

ВОЛНЫ ЖИТЕЙСКАГО МОРЯ.

Почившій недавно преосвященный Гермогенъ написалъ прекрасное стихотвореніе „Житейское море.“ Оно помѣщено въ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ 1883 года.

Прочитавъ эти гармоническіе, волнующіеся стихи, проникнутые, при глубинѣ мысли, теплотою христіанскаго чувства, мы невольно вспомнили далекое прошлое, ту школу, въ которой и мы учились. Чтò же можно сказать объ этомъ времени? Одно хорошее? Но на это замѣтятъ: старики любятъ хвалить все старое. Поставить это время въ тѣни или нарисовать его одними мрачными красками? Но если первое будетъ не справедливо, то и во второе окажется не все правдой. Строгій классицизмъ и строгая сосредоточенность въ тѣхъ предметахъ, которые соответствовали духовно-учебному заведенію—вотъ главная, отличительная черта школы того времени. А за симъ и другія: трудъ и самая настойчивая выработка мыслительныхъ силъ. Да, въ ту пору эта выработка по преимуществу имѣлась въ виду. Намъ не томили множествомъ разнообразныхъ научныхъ занятій, но намъ давали для письменныхъ работъ (на которыя и обращалось особое вниманіе нашихъ руководителей), и притомъ не коротенькихъ, по очередно, то на Русскомъ, то на Латинскомъ языкахъ, большею частію отвлеченныя темы и почти исключительно философско - богословскаго содержанія. Надъ подобными темами нужно было сильно напрягать голову; но эта напряженность естественно развивала и приучала ее къ сосредоточенности, къ самой строгой логикѣ въ сужденіяхъ, въ построеніи мыслей и въ изложеніи ихъ. Для примѣра возьмемъ поэзію. Хотя въ то время смотрѣли на нее скорѣе какъ на забаву, чѣмъ на предметъ достойный изученія, однако и она, эта поэзія, была такъ поставлена, что вызывала напряженную работу головы. Читали намъ напр. такіе образчики поэтическаго творчества:

„Стуцнуло, грянуло, комаръ съ дубу свалился,
Великій шумъ учинился“.

Чтò мы могли почерпнуть изъ этого руководства? А каковы были другіе источники для развитія поэтическихъ талантовъ? Теперь даже не повѣрятъ, если сказать, что мы не видали стиховъ Пушкина, Жуковскаго, Державина, Ломоносова, Козлова, Крылова, Дмитріева и др. *печатными*; излюб-

ленные стихи этихъ поэтовъ мы читали по рукописямъ, которыя сами же тщательно (какъ и подобаеетъ изящнымъ произведеніямъ) переписывали въ особыя тетради. Это не то, что теперь, когда любому школяру доступны цѣлые томы художественныхъ произведеній и своихъ поэтовъ, и чужихъ. При такой скудной обстановкѣ для поэтического воодушевленія чего, однако, отъ насъ требовали? Во первыхъ, писать стихи на заданную тему, писать всѣмъ безъ исключенія. Каково, спрашивается, это требованіе было для тѣхъ, которые рѣшительно не чувствовали въ себѣ искры поэтического таланта? Но дѣлать было нечего; нужно было шевелить мозгами и даже плакать надъ пустымъ листкомъ бумаги. „Пиши, копъ задано; тупа голова—усерднѣе молись Богу!“ И писали. Какъ? Объ этомъ и спрашивать нечего; да и сами наставники не слишкомъ много обращали вниманія на качество поэтического произведенія; главная цѣль у нихъ была: дать трудъ, работу головъ, т. е. развивать мыслительныя молодыя силы. Во вторыхъ, и темы для поэтическихъ вдохновеній давались такія, что снова приходилось напрягать мозги. Требовались если не чувства, то мысли, хотя бы и подъ оболочкой „рубленной“ прозы. Мы помнимъ напр. слѣдующія темы: На смерть друга (ода), Чтецъ Псалтыри и покойникъ (баллада), Медвѣдь и Ребенокъ (басня), Чувства христіанина при восходѣ солнца, Переоженія такого-то псалма и т. п. И что же выходило? Изъ 60—70 учениковъ десятокъ или и того болѣе подавали учителю стихи, заслуживавшіе одобренія; но большинство стихотвореній, конечно, было предметомъ смѣхотворенія, когда подвергали ихъ критикѣ наставникъ поэтического творчества. Мнѣ какъ-то удавались стихи; и какъ теперь помню, что у меня были ушки на макушкѣ, когда за басню мнѣ было сказано: Да ты не хочешь ли быть вторымъ Крыловымъ? Право, у тебя замашки Крыловскія. — Крыловымъ? А зналъ ли я три-четыре басни безсмертнаго нашего баснописца?

Итакъ, тѣни нашего образованія или мрачныя краски школы давняго времени слагались изъ бѣдности источниковъ или пособій для развитія способностей души; а какова была бѣдность обстановки въ тогдашней духовной школѣ, можно судить по слѣдующему: преподаватель географіи только однажды принесъ въ классъ карту Европы, единственную въ училищной библіотекѣ, и принесъ едва ли не съ единственною цѣлю показать объемъ Русскаго царства, которое онъ и обводилъ по картѣ перстомъ своимъ.

По отношенію къ другимъ предметамъ, считавшимся главными, была таже бѣдность. Сколько томовъ было проповѣдей въ тѣ времена? Теперь большая часть твореній великихъ Отцевъ Церкви переведена на Русскій языкъ; а мы какъ знакомились съ ними? Дадутъ тебѣ фоліантъ, который едва тащишь; одинъ столбецъ по-гречески, другой по-латыни, читай на какомъ угодно языкѣ; но отчетъ въ прочитанномъ къ такому-то дню дай. И давали! (Впрочемъ это бремя возлагалось только на передовыхъ учениковъ). Давали; да развѣ мыслимо было въ тѣ поры не дать? Что же розги? Въ семинаріи мы ихъ уже не знали. Впрочемъ, припомню, при мнѣ были жестоко

наказаны розгами два питомца семинаріи, одинъ даже богословскаго класса, но наказаны по убѣдительноѣйшей просьбѣ ихъ родителей. Упомяну еще объ одномъ наказаніи розгами. Кончилось ученіе въ семинаріи торжественнымъ публичнымъ экзаменомъ, который посѣтила и свѣтская знать. Намъ навормили болѣе жирными щами и болѣе масляною кашей. Все сіяетъ свѣтомъ несказанной радости. Одни вяжутъ котомки и собираются, конечно пѣшеходяще, на каникулы, въ объятія родныхъ; а другіе въ путь-дороженьку уже не школьной жизни, а жизни житейской, самобытной и самостоятельной, къ засватаннымъ невѣстамъ или къ отысканію ихъ. Но вотъ часу въ третьемъ идетъ по комнатамъ семинарскаго корпуса, постукивая длинной палицей, гроза и трепетъ для всего семинарскаго міра (включая сюда и профессоровъ) — ректоръ, архимандритъ Спиридонъ, по благости сердца истый отецъ этого міра. За нимъ идетъ его келейникъ, старый, грозный на видъ, отставной солдатъ Преображенскаго полка, съ ключами, чтобы запереть тѣ комнаты, которыя опустѣли. Вотъ домовладыка семинаріи стучится своею грозною палицей въ дверь одной маленькой комнатки, гдѣ жили два лучшихъ воспитанника, кончившихъ курсъ со степенью студента. Дверь изнутри заперта задвижкою, и на сильный стукъ палицы отелка нѣтъ. Запри двери ключемъ! говоритъ домовладыка своему келейнику. Двери запираются. Часовъ въ 5 или 6 снова приходитъ домовладыка, и при немъ семиколѣнный (какъ мы звали его) Преображенецъ съ пучкомъ длиннѣйшихъ лозъ. Дверь отпирается, и слышится грозный, повелительный голосъ: отворить! Отворяютъ, и вотъ картина: два молодыхъ человѣка, въ одѣхъ рубашкахъ, съ растрепанными волосами и заспанными глазами; они дрожатъ отъ страха или похмѣлья; на столѣ стоятъ опорожненные полштофъ и пивныя бутылки. Тамъ это ли свобода? раздается насколько грозный, настолько же и трогательный голосъ домовладыки съ каплями слезъ на глазахъ. Ложитесь! Свѣи ихъ! И молодые люди, съ густыми бавенбардами, съ бритыми подбородками, ложатся, и каждому изъ нихъ семиколѣнный Преображенецъ отчитываетъ по три удара, конечно безъ боли, по платью. Довольно! слышится болѣе смягченный голосъ „Хотя вы уже имѣете невѣсть и скоро будете посвящены въ іереевъ, но вы еще находитесь подъ отеческимъ кровомъ, и конечно не забыли: отецъ, любящій сына, сокрушить ему ребра. Встаньте, умойтесь, одѣньтесь, причешитесь и приходите ко мнѣ чай пить. Тамъ мы поговоримъ, чтò такое свобода для человѣка; а Богъ дастъ черезъ мѣсяцъ или черезъ два я поведу васъ вокругъ престола Божія, когда Божественная благодать будетъ посвящать васъ въ служителей алтаря Господня“.

Съ однимъ изъ этихъ свѣченыхъ, уже не одинъ годъ священствовавшимъ, встрѣтился я однажды. Вспомнили мы старину, и я услышалъ отъ него: Этотъ урокъ былъ для насъ самымъ спасительнымъ; оба мы ведемъ самую трезвую жизнь; я тогда далъ слово и капли не пилъ хмѣльнаго,—и не пью. Теперь на опытѣ жизни мы убѣдились, что тѣ только среди людей свободны, которые могутъ и умѣютъ владѣть собою, что подчиняющіе себя хо-

тѣнѣямъ „похоти очей, похоти плоти и гордости житейской“ суть окованные цѣпями рабы.

Розги! Розги! Не срамъ ли онѣ? Не поношеніе ли? Въѣтъ ли отъ нихъ истинно-отеческою, христіанскою любовію? Богъ есть любовь; но могутъ ли розги сравняться съ тѣми громами и молніями, которыми эта нѣжнѣйшая и безграничная любовь караетъ преступленіе? Розги теперь изгнаны изъ нашихъ школъ, и духовныхъ, и свѣтскихъ; и современные мыслители, припоминая прежнюю школу съ розгою въ рукахъ, говорятъ: то были пытки и для умственныхъ, и для физическихъ силъ. Но мы не тупѣли, и едва ли я ошибусь, если скажу, что во всѣ шесть лѣтъ семинарскаго (моего, разумѣю) курса не было ни одного смертнаго случая, по крайней мѣрѣ какъ слѣдствіи переутомленія или бѣдной обстановки жизни; а у насъ была большая семья. То было время варварства. Но за то какъ работали мозги! Какъ мы привыкли къ усиливому труду! И этимъ запасомъ мы доселѣ живемъ. Кажется, всего труднѣе было для такой школы подогрѣть поэтическое чувство; но сколько писалось стиховъ, которые переписывались товарищами и преемственно переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе школы, какъ удовлетворяющіе эстетическому чувству. Почти ровно 50 лѣтъ прошло, какъ меня учили стихосложенію и заставляли писать стихи; и я любилъ писать ихъ не по заказу только, но *suaviter*; и помнится, немало было написано и одъ, и балладъ, и разныхъ акростиховъ, и даже (о дерзновенный юноша!) я, прочитавши Димитрія Донскаго, написалъ чуть ли не цѣлую трагедію „Михаилъ Тверской“ *). Мнѣ пошелъ 76-й годъ. И мозгъ не тотъ, и руки не тѣ; а все еще хочется работать перомъ, хотя оно, немало потрудившись, и притупилось. Для рыбы вода, а для нашей пишущей братіи чернила—стихія жизни.

Бурса! бурса! Не знаю для кого она не та, что для меня. Для меня же, и я увѣренъ, для великаго множества подобныхъ мнѣ, она—святѣйшая, мать, не только кормившая насъ до сыта насущнымъ хлѣбомъ, но и направлявшая наши духовныя силы къ труду, къ созерцанію высшаго, духовнаго міра или, какъ теперь говорятъ, къ міру идеаловъ. Да и могло ли быть иначе, когда мы, при скудной школьной жизни, въ лаптяхъ и въ кафтаныхъ съ заплатами, (по крайней мѣрѣ до поступленія въ высшіе классы), не только не вкушали, но и не вѣдали прелестей матеріальнаго міра. Стремленіе къ выспему или лучшему прирождено человѣку, и когда для него замкнута область чувственныхъ наслажденій,—онъ невольно устремляется въ иной міръ, въ область духовнаго міра, если его направляютъ въ эту область. Какими мрачными красками не описывали бурсы? И грязна-то была она, и сурова, была ка-

*) Весьма удачное стихотвореніе автора „Одна изъ волнъ житейскаго моря“, написанное по поводу вышеупомянутыхъ стиховъ преосвященнаго Гермогена, помѣщено въ Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1884 года. П. Б.

кою-то гнетущею силою. И все это напраслина. Правда, были въ ней и мрачныя тѣни, но сколько было лучей самаго животворнаго свѣта! Мы, бурсаки, были здоровы, рослы; бѣдноты, сухощавости и утомленности не видно было на нашихъ лицахъ. Насъ наказывали, но изъ школы не выгоняли, кромѣ самыхъ неспособныхъ. Да, мы ѣли щи и кашу; бѣлаго хлѣба и чаевъ не знали *), даже рѣдко кто изъ насъ видѣлъ самоваръ; но мы были веселы, живы и многимъ изъ насъ нипочемъ было искупаться въ проруби. Не подлежитъ сомнѣнію, что мы покрѣпче были современныхъ питомцевъ нашихъ учебныхъ заведеній, и духовныхъ, и свѣтскихъ. Да едва ли и весь Русскій народъ не падаетъ въ своихъ силахъ. Общій голосъ говорить, что народъ нашъ и низкорослѣ, и слабѣе, и недолговѣчнѣе сталъ. Думается, еще болѣе ослаблять его желудочныя чайныя ванны и водка, становящаяся народною стихіею, особенно если эта тлетворная стихія сдѣлается достояніемъ народнаго женскаго пола, къ чему уже и пролагается дорога,—дорога торная. Нынѣ не только женщины, но и дѣвицы идутъ и въ кабакъ, и въ трактиръ, чего прежде не бывало, да и не было столько этихъ растлѣвающихъ духовныя и тѣлесныя силы притоновъ. Но особенно приснопамятна бурса тѣмъ, что она приучала къ труду, къ терпѣнію, къ тернистому пути жизни. Эта заслуга ея неоцѣнима; потому что все— и трудъ, и терпѣніе, и разнаго рода и вида тяготы жизни ожидали вступающихъ въ составъ духовенства и преимущественно сельскаго. Если и въ настоящее время есть сельскіе приходы (даже въ Московской епархіи), гдѣ священникъ получаетъ всего дохода 50—100 рубл. въ годъ; то въ прежнія времена, назадъ тому 50—70 лѣтъ, такая бѣднота едва ли не была удѣломъ огромнаго большинства сельскихъ служителей Православной Церкви. И если сельскій священникъ получалъ 50—100 рубл. въ годъ; то что получалъ дячекъ или пономарь? Да, бурса вырабатывала людей терпѣнія, силы и крѣпости, столь необходимыхъ на поприщѣ такого высокаго и многотруднаго служенія, каково служеніе Православной Церкви, или что то же—Русскому народу, у котораго вся могучая сила въ вѣрѣ и христіанской нравственности. Но кто освѣщалъ, растилъ, укрѣплялъ и множилъ эту силу? Служители православной церкви. И, по слову митрополита Филарета, „другихъ учителей у него не было“. Но возвращаюсь къ бурсѣ.

Намъ, вступившимъ въ бурсу (или вообще въ духовную нашу школу), она не была тяжела уже и потому одному, что дома мы были подготовлены къ ней. Мы выходили изъ домовъ въ бурсу, какъ въ родную намъ среду. Отецъ мой былъ священникомъ (Саратовской епархіи въ с. Хмѣлевкѣ, вѣстахъ въ 25 отъ Саратова). Вотъ его жилище. Обыкновенная деревенская бревенчатая изба, въ 3 саж. длины и столько же ширины, съ тремя окнами: два спереди и одно съ боку. При ней плетневые сѣни, безъ потолка, покрытыя соломой и обмазанныя глиной, конечно, съ коровьимъ пометомъ; полъ,

*) Въ первый разъ я напился чаю, когда мнѣ было около 20 лѣтъ.

въ сѣняхъ земляной. Зимой сѣни были такъ холодны, что дверь, ведущая въ избу, покрывалась изнутри корою льда. Службы при домѣ, за исключеніемъ бревенчатого амбара и бани, были также плетневыя, подъ соломенную крышею. Жутко было въ нихъ жить зимой двумъ лошадакамъ, двумъ коровамъ и овечкамъ, число которыхъ, т. е. овечекъ, доходило до цѣлаго десятка. Изба была раздѣлена перегородкой на двѣ неравныя половины, изъ которыхъ въ меньшей стояла кровать для отца съ матерью, вмѣсто простыни или одѣяла покрытая кожей. Сюда же выходила обыкновенная Русская печь съ лежанкою—это обиталище въ зимнюю пору для самыхъ малыхъ дѣтей. Въ переднемъ углу помѣщались св. иконы и стоялъ столъ, за которымъ и обѣдали. По одной изъ стѣнъ тянулись полки для книгъ, гдѣ Библія и Четьи-Миней занимали первенствующее мѣсто; но были и такія, которыя считались за философскія, напримѣръ сочиненія Экартсгаузена и т. п. *) Вдоль стѣнъ этой комнаты шли довольно широкія скамьи, на которыхъ, или прямо на полу (въ лѣтнюю напримѣръ пору) мы, дѣти, и спали; зимой здѣсь же съ нами спали и наши любимцы ягнятки, въ числѣ 5—7 головокъ, впрочемъ при холодахъ они и всѣ дни проводили съ нами, такъ любившими играть съ ними, напримѣръ лбами пыряться. Къ веснѣ подъ упомянутыя скамьи сажали въ два-три гнѣзда гусынь и индѣекъ. Не хорошо пахло отъ нихъ, особенно если приходилось спать на полу. Въ зимнюю пору, въ эту же залу вгоняли для доенія корову, и она оставалась здѣсь не одинъ часъ; потому что ей предлагалось мѣсиво, которое могло замерзнуть въ плетневомъ хлѣвѣ; а не накормить досыта коровы значить оставить дѣтокъ безъ молока. Свѣчей мы не знали: освѣщеніе производилось березовой лучиной, подъ которую обыкновенно ставилась широкая лохань съ водою или помоями.

Землю пахалъ отецъ, но большею частію она обрабатывалась барщичной. Надъ уборкой хлѣба и сѣна трудились сами отецъ и мать. Мать всю зиму и весну пряла и ткала. Не только все бѣлье для всей семьи, но и платье изъ сукна были произведеніемъ ея рукъ. Ей много помогала прялка—едва ли не единственная машинка во всемъ селѣ. Прислуги ни мужской, ни женской не было. Стало быть мать была и поварихой, и прачкой, и полоймой. Да и гдѣ было помѣстить прислугу? Намъ и самимъ было тѣсноровато въ такой избѣ: однихъ дѣтокъ было шестеро, и всѣ малъ-мала меньше. Впрочемъ тѣсноровато было только въ зимнюю пору; въ лѣтнюю же насъ трудно было созвать въ избу. Зимой тѣснота увеличивалась и тѣмъ, что передняя половина избы служила школой, гдѣ трое насъ учились, да 6—7 мальчиковъ изъ поселенъ, что немного походило на церковно-приходскую школу. Припоминаю особенную тѣсноту одного года или зимы. Отецъ принялъ къ себѣ какого-то безроднаго старика-солдата для помощи въ работахъ; онъ захворалъ и лежалъ въ заднемъ углу этой же нашей залы чуть не цѣлый годъ. Что-

*) Отецъ мой вышелъ изъ семинаріи по окончаніи философскаго класса.

бы приподниматься ему, въ потолокъ были ввинчены кольца, а отъ нихъ шли къ больному двѣ веревки. Не было кому приподнимать старика; но для удовлетворенія извѣстныхъ нуждъ подставлялся сосудъ отцемъ или матерью. Припоминаю еще одну зиму, когда увеличилась наша тѣснота. Привезли къ отцу изъ одной деревни его прихода бѣсноватую для отчитыванія. Помню, какъ по временамъ она была буйна и криклива, впрочемъ только во время отчитыванія. Отецъ беретъ ее къ себѣ и каждый свободный вечеръ совершаетъ моленіе, наполняя всю избу ладономъ. Кажется, больная жила у насъ мѣсяца два или три, и ей стало легче; года черезъ два возобновились припадки, но отца уже не было въ живыхъ.

Такъ вотъ какова была обстановка сельскаго священника, т. е. моего отца. Но не самое ли великое большинство нашего сельскаго духовенства въ тѣ времена жило такою же жизнію? Да и кончилась ли подобная жизнь, особливо для причетниковъ? Я думаю, что современная жизнь, съ ея требованіями, даже гораздо тяжелѣ стала для бѣдныхъ сельскихъ причтовъ, чѣмъ прежде, — тяжелѣ, чѣмъ для прихожанъ, для простаго народа. Поселянинъ можетъ и не снимать лаптей или своей серяги; но священникъ въ наше время не можетъ не имѣть сапоговъ и болѣе утонченнаго платья, чѣмъ серяга или нагольный полушубокъ. Поселянинъ можетъ и не учить своихъ дѣтей грамотѣ; но послѣдній пономарь, если не по закону, то по своему нравственному долгу, отправляетъ своихъ дѣтей въ городскую школу, а это сопряжено съ непосильными издержками. Поселянинъ можетъ всѣ свои физическія силы отдавать производительному труду; но сельскій священникъ или причтъ имѣютъ и другія дѣла, не исполнять которыхъ они, хотя бы и не было куска хлѣба, не могутъ. Прибавлю къ этому: въ наши давно-прошедшія времена бурса, какъ она ни была тѣсна и бѣдна, открывалась для всякаго сироты или бѣдняка; но теперь въ этомъ отношеніи она болѣе разборчива. Да едва ли богаче живетъ большинство нашего сельскаго духовенства теперь, въ сравненіи съ прежними временами. Тѣсенъ былъ домъ моего отца; но въ подобныхъ избахъ живетъ и теперь многое множество сельскихъ священниковъ, и нѣкоторые изъ нихъ въ этихъ же избахъ открываютъ церковно-приходскія школы на 20—30 поселянскихъ дѣтей. Какъ не сказать: благодарность, честь и слава вамъ, добрые пастыри, съ такими жертвами стремящіеся просвѣтитъ свѣтомъ вѣры и грамотности дѣтей своихъ пасомыхъ! Нельзя не упомянуть добрымъ словомъ и тѣхъ матушекъ, которыя помогаютъ въ этомъ святомъ дѣлѣ батюшкамъ, т. е. своимъ мужьямъ, и конечно своими руками очищаютъ свое убогое жилище отъ грязи, вносящей ногами школьничковъ. Но по всей вѣроятности, эту черную работу несутъ на себѣ только тѣ изъ матушекъ, которыя вышли изъ епархіальнаго женскаго училища не бѣлоручками, не барышнями, каковому грѣху, слышно, явныя изъ этихъ школъ причастны, подобно нашимъ женскимъ гимназіямъ, откуда дочки кухарокъ и швейекъ выходятъ барышнями на высокіхъ каблучкахъ. Грѣха этого сильно боялся еще Филаретъ при открытіи перваго

епархіального женскаго училища въ Москвѣ. Это мы знаемъ изъ самаго вѣрнаго источника. Но какъ бы то ни было, а къ слову нельзя не сказать, что открытіе и быстрое распространеніе церковно-приходскихъ школъ, при такихъ скудныхъ средствахъ, есть величайшая заслуга предъ Русскимъ народомъ и царствомъ нашего православнаго духовенства, которое безкорыстно и такъ ревностно подвизается въ этомъ духѣ. Этой безцѣнной заслуги не забудетъ исторія, вопреки нѣкоторымъ изъ современныхъ глашатаевъ, для которыхъ Православная Церковь не есть мощная сила Русскаго народа, а тормазъ, удерживающій его на пути развитія духовныхъ и вещественныхъ народныхъ силъ.

Обращаюсь, такъ сказать, къ своей исторіи, которая конечно нестойка была бы печати, если бы въ ней не видѣлись черты изъ быта нашего духовенства, безъ всякаго спора имѣющаго право на историческую извѣстность.

Не стало отца, и мать осталась съ шестью дѣтьми, изъ которыхъ старшему, уже бывшему въ училищѣ, было около 12 лѣтъ *). Горе неисчерпаемое! Бывало, мать соберетъ насъ въ кучку, обниметъ и зальется горькими слезами. И Богъ знаетъ, что ожидало бы насъ? Ближе всего: нищенскія сумки на плечахъ, если бы не добрыйшій помѣщикъ, г. Шахматовъ. Вѣчная память ему! Онъ велѣлъ выдавать осиротѣвшему семейству ржаную муку и крупу, давалъ десятину земли подъ пшеницу съ обработкою барщиной, давалъ часть дуга на сѣно и дровъ въ лѣсу. Вотъ и кормились; были своя лошадка и коровка, да пять или семь овечекъ, куры и гуси. Мы подростали, и открывалась другая кормилица, священная бурса, гдѣ хлѣба, щей и каши ѣшь сколько хочешь, и бери кусокъ или два хлѣба и клади подъ подушку на завтракъ или полдникъ. Ей, мы сыты были, хотя говядины едва ли за обѣдомъ попадало по кусочку больше обыкновеннаго орѣха. На Пасху, Рождество и на лѣтнія каникулы мы (насъ училось трое), конечно пѣшкомъ, отправлялись домой. Пасха и Рождество были очень прибыльны для насъ въ

*) За что такъ милостивъ былъ Богъ къ этому осиротѣвшему семейству? Мать скончалась на девятомъ десяткѣ своей многотрудной жизни; старшій сынъ ея также окончилъ свою жизнь маститымъ старцемъ въ санѣ протоіерея Саратовскаго кафедральнаго собора и былъ награжденъ разными отличіями; второй сынъ кончилъ курсъ въ М. Д. Академіи, со степенью магистра и былъ назначенъ бакалавромъ въ Казанскую Духовную Академію. (Послѣ него остались три огромныхъ тома лекцій профессора Горскаго, написанныхъ самымъ мелкимъ почеркомъ и переданныхъ въ бібліотеку Академіи: хранить ихъ какъ символъ трудолюбія бывшихъ ея питомцевъ и какъ пособие къ изданію трудовъ незабвеннаго для науки ученаго мужа). И профессорствовалъ въ университетѣ, землевладѣлецъ Таврической губерніи, вписанъ въ родословную дворянскую книгу ея. Четвертый изъ насъ кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ и служилъ по гражданскому вѣдомству. Пятый умеръ отрокомъ. Сестра была замужемъ за священникомъ въ г. Саратовѣ.

финансовомъ отношеніи: мы втроемъ набирали 40—50 к. и свѣтло-радостными возвращались въ бурсу. Было на что купить калачикъ! Исповѣдаюсь предъ цѣлымъ міромъ въ одномъ моемъ тяжкомъ грѣхѣ. Разъ былъ заданъ какой-то тяжелый для меня урокъ. Я молился св. угоднику и чудотворцу Николаю, чтобы онъ помогъ мнѣ, обѣщаясь поставить ему свѣчку. Урокъ сошелъ благополучно; вышелъ изъ класса на улицу, несутъ калачики, соблазняясь, вынулъ послѣдній грошикъ изъ кармана и купилъ, вмѣсто свѣчки, калачикъ, который, впрочемъ, какъ теперь помню, ѣлъ не безъ угрызенія совѣсти, хотя и вѣрилъ, что сердобольный святой угодникъ, такъ много помогавшій алчущимъ и жаждающимъ, проститъ меня за этотъ обманъ.

Не могу не вспомнить о лѣтнихъ каникулахъ; они возстановляли наши силы, естественно ослабляемыя книжными трудами, а отчасти и обстановкой самой бursы, которая не давала намъ ни молока, ни яицъ, ни бѣлаго хлѣба, ни курятины или гусятины; и всего этого дома было достаточно даже въ годы нашего сиротства. Чтобы возстановить каникулами силы, намъ давали строгій наказъ: не брать ни одной книги, работать, играть и неупустительно ходить въ церковь Божію и въ ней пѣть и читать.

Наши лѣтніе каникулы проходили, можно сказать, въ упоеніи: каждый день превращался для насъ въ какое-то очаровательное мгновеніе. Хотя мы съ матерью жали хлѣбъ, запасались сѣномъ и дровами на зиму; но главное занятіе состояло въ гуляньи по горамъ, лѣсамъ и лугамъ широкой Волги, въ собираніи ягодъ, яблокъ и грибовъ, въ уженіи рыбы въ прудахъ, озерахъ и въ самой Волгѣ. Да и что это была за мѣстность нашего каникулярнаго отдыха въ тѣ времена? Рай земной. Въ виду, въ какихъ нибудь двухъ-трехъ верстахъ отъ села, расположеннаго на горной возвышенности, — царица Русскихъ рѣкъ, наша матушка широкая Волга, съ своими необозримыми зеленѣвшими лугами, среди которыхъ множество озеръ и лѣсной растительности, состоявшей изъ тальника, вѣтлы и осокорей, достигавшихъ (разумѣю вѣтлы и осокори) вѣстину исполнскихъ размѣровъ: играя, мы въ ихъ дуплахъ прятались по трое, по пяти мальчиковъ. Но въ играхъ по зеленѣющимъ и цвѣтистымъ лугамъ такъ плѣнявшей насъ, родной намъ Волги, особенное наслажденіе доставляли намъ молодые, стройные и гибкіе тополи. Залѣзешь, бывало, на вершину такого тополя, на 3—4 сажени отъ земли и чаще всего во время самаго сильнаго вѣтра, когда нельзя ни грести сѣна, ни копать изъ него класть, залѣзешь, ухватишься за самую вершину; гибкій тополь чуть не въ поясъ свой изгибается; шумятъ и лепечутъ его листья, — и ты въ сладкомъ упоеніи качаешься. А изъ тальника какіе лучки дѣлали мы, и какъ высоко и далеко летали наши стрѣлы, на концахъ вооруженныя шарикомъ изъ вара? Въ невинныхъ птичекъ мы изъ этихъ орудій не стрѣляли: то былъ строжайшій запретъ отъ матери. Но грѣха нечего таить: ловили въ этихъ лугахъ гусей (стада которыхъ тогда были такъ многочисленны), ловили и дергали изъ крыльевъ ихъ перья, которыми надо было запасаться

для школы. Бурса перьевъ не давала; да и бумаги тоже, и немущіе обыкновенно ходили, въ своихъ полосатыхъ посконныхъ халатахъ или сермягахъ, по присутственнымъ мѣстамъ и просили бумажной милостыни, которою и дѣлились съ товарищами, по робости не выступавшими на такое поприще добыванія пасущаго лоскута бумаги. А бумаги требовалось немало: сколько нужно было написать сѣлоненій и спряженій (за то мы не знали что такое диктантъ), переводовъ съ Латинскаго и Греческаго на Русскій, и обратно!

Не менѣе очаровательную картину представляла противоположная сторона нашего села. Вотъ равнины или плоскогорья съ волнующимися нивами, вотъ горы, большею частію покрытыя лѣсомъ, особливо ущелья ихъ; по этимъ ущельямъ, подъ тѣнью громадныхъ дубовъ, вязовъ, кленовъ, черемухъ, ольхъ и т. д. текли съ брызгами и съ шумомъ ручьи кристальной влаги; въ этихъ ручьяхъ мы ловили форель, а во время работъ, напр. уборки своей пшеничной нивы, черпали воду; въ эту воду крошили черный хлѣбъ, и выходила такъ называемая тюря — ей! превкусное кушанье. Изъ этихъ же ручьевъ составлялись пруды до того чистые, что видны были на днѣ ихъ камешки и плавающая стаями рыба, которою они были очень богаты, особливо окуни, сазаны, лини, плотвы; попадалась даже стерлядка. Въ тѣ времена какое было обиліе плодовъ земныхъ: клубники, дикой вишни, лѣсныхъ яблокъ, рябины, калины, черемухи, желудей, грибовъ и т. д. Про клубнику мало сказать того, что и мы, и поселяне собирали ее ведрами; но вотъ явленіе, подтверждающее это обиліе: косится густая, сочная, высокая трава, и ряды скошенной травы представляются густо испещренными красноватыми крапинами; это клубника, сладкая и душистая *). Не помню я неурожаевъ; но хорошо помню, что рожь иной годъ бывала такого роста, что чуть ли конь съ сѣдомъ не могъ скрыться въ ней. Одно твердо держится въ моей памяти: поспѣла наша десятина ржи; отецъ беретъ всю семью полюбоваться благодатнымъ урожаемъ ея; беретъ онъ серпъ, нажинаетъ снопы, вяжетъ его и становить, сладко улыбаясь и говоря: посмотрите, дѣтки, чуть ли не выше меня! Да, снопы были повыше отца, а отецъ былъ повыше средняго роста.

Народъ этого селенія былъ рослый, здоровый, и хотя былъ и крѣпостной, но зажиточный. Большихъ бѣдняковъ не было; того не допускала крѣпостная рука, которая отъ бѣдности крестьянъ могла и сама обѣднѣть; да кромѣ того, этою рукою правило доброе, сострадательное сердце. Избы и службы, хотя въ большинствѣ и крыты соломою, но отличались прочностію и здоровьемъ: ни одной избы не было перекосившейся или съ гнилыми ушами. Три, пять, семь лошадей, да столько же коровъ, да десятокъ или два овецъ: это было достояніемъ cadaго двора. Но сапоги на ногахъ крестья-

*) Въ послѣдствіи я видѣлъ тѣ покатои близъ села, гдѣ мы собирали клубнику, кой-гдѣ поросшими полянкой и кихіей. Весь черноземъ смытъ и снесенъ въ перенасытую Волгу. Вотъ гдѣ одна изъ существеннѣйшихъ причинъ истощанія нашихъ полей.

янина были необычайною рѣдкостію; да и ситцевые сарафаны надѣвались только по праздникамъ, и очень и очень немногими женами и дѣвцами; женское платье обыкновенно шилось изъ домотканной крашенины, холсты для бѣлья и сукно для сермягъ или казановъ прились и ткались также дома. Не могу не отмѣтить нѣкотораго вида патріархальности: до 6—7 лѣтъ я мы, поповичи, и поселянскія дѣти, и дѣвочки, и мальчики, обыкновенно ходили въ длинныхъ посконныхъ или льняныхъ рубашкахъ, и часто „бѣста нага и не стыдятся“. Да мало ли чего не было въ старину, въ годы патріархальности, а не современной такъ называемой цивилизаціи или прогресса: въ нашихъ сельскихъ семейныхъ баняхъ вмѣстѣ мылись и парились, въ 14-ти или даже въ 16-тилѣтнемъ возрастѣ и дѣвушки, и парни, даже не члены одной семьи, — и въ душѣ были цѣлы яко голуби. Это я говорю не съ вѣтра. Спросите стариковъ подобныхъ мнѣ. Теперь и парни, и дѣвицы вереницами идутъ въ пивную или въ трактиръ; но прежде этого не бывало. Зато настала цивилизація..

Приблизительно лѣтъ чрезъ 30 я посѣтилъ родное мнѣ село, которое уже перешло въ руки какого-то купца. Не узналъ я моей дорогой родины. Избы поселянъ то перекошились, то вросли въ землю; за то во многихъ окнахъ видѣлись самовары; соломенные крыши ободраны; одна или двѣ лошади, да столько же коровокъ на дворѣ, и то не на каждомъ; овцы совершенно вывелись: земля вся пошла въ роспашку; лѣса исчезли; ни капли воды въ тѣхъ горныхъ ущельяхъ, гдѣ съ шумомъ струились кристальные потоки, въ которыхъ мы ловили форель; пруды съ прозрачною влагою частью затянулись иломъ, но вообще превратились въ мутныя болота, въ которыхъ едва ли водился даже карась. Да и широкая матушка Волга посузилась, и вмѣсто зеленѣющихъ луговъ стали господствовать бесплодные пески; рѣдко гдѣ видѣлось озерцо, еще не успѣвшее затянуться иломъ или пескомъ; древесная растительность на лугахъ также исчезла; кой гдѣ видѣлись отпрыски тальника. Да, и въ природѣ, и въ народѣ моей дорогой родины я не могъ не замѣтить бѣдноты и истощенія силъ; за то, вмѣсто сермягъ и посконныхъ рубахъ встрѣчались пиджаки и красныя рубахи, вмѣсто полотняныхъ сарафановъ цвѣтныя платья съ таліями. Цивилизація такъ глубоко проникла и въ эту деревенскую глушь, что я видѣлъ дѣвицъ, обмотывавшихъ подсолнечники въ ситцевыхъ платьяхъ и башмачкахъ съ высокими каблучками и резинчатой оправой, надѣтыхъ однако на босую ногу. Да говорили мнѣ, что не только въ чулкахъ, но и въ рубашкахъ у нихъ недочетъ, потому что прясть и ткать уже перестали. Такія-то грустныя перемѣны нашелъ я на своей родинѣ. И не вѣка прошли, а какихъ нибудь двадцать-тридцать лѣтъ. Чтò породило эти перемѣны? Не то ли, что во время моего дѣтства и юности въ этомъ селѣ не было ни одного кабака? Даже, при строгости помѣщичьей власти и сознаниіи ею, что бѣдность крестьянъ такъ тѣсно соединена съ состояніемъ помѣщика (а эту бѣдноту неизбѣжно родитъ кабакъ), въ этомъ селѣ, можно сказать, не пахло сивухой; браги было въ волю, въ праздни-

камъ она варилась въ каждой избѣ. Но во время моего посѣщенія въ этомъ селѣ считалось, съ постолими дворами, уже пять пятайныхъ заведеній. Нѣтъ, кабакъ спльнѣе закрѣпостилъ нашъ бѣдный, слѣпотствующій народъ, чѣмъ крѣпостное право.

Но Богъ милостивъ: народъ съ такимъ здравымъ разсудкомъ и при такой матерп, какъ наша Православная Церковь, придетъ въ разумъ истинный. Главное, что поддерживаетъ нашу надежду, это вѣра, что Русскій народъ не разлюбитъ своей нѣжной матери Св. Церкви, въ объятіяхъ и подъ кровомъ которой онъ росъ и мужалъ цѣлые вѣка, и молоко этой матери вошло въ плоть и кровь его. Правда, носятся по Святой Руси и шунда, и Пашковщина, и Толстовщина, и другія испаренія современнаго легкомыслія и лжемыслія; но мы вѣримъ, что не забудется та страница нашей исторіи, въ которой написано: если бы не Св. равноапостольный Князь Владиміръ то, можетъ быть, Русскій народъ еще цѣлые вѣка оставался во тьмѣ язычества. Во всю нашу исторію свѣтская и духовная власти шли рука объ руку, взаимно другъ другу помогая и другъ друга поддерживая, что и послужило къ созданію міроваго, мощнаго Русскаго царства. Родственная связь эта и въ настоящее время въ той же крѣпости и силѣ; и кто порветъ ее при священной для насъ самодержавной власти?

Взявши перо, я хотѣлъ указать только на одну волну житейскаго моря. Но вотъ что значить житейское море, „воздвигаемое зря напастей бурей“: въ моей памяти волна волну поднимала, и волнистая, пѣнящаяся и шумящая зыбь овладѣла мной. Я погрузился въ житейское море моего дѣтства, юности, школы и окружавшей меня среды, въ ту, то гладкую и тихую, то въ бурную и грозную, зыбь, по которой столько носилось предъ моими глазами утлылъ челноковъ. Да, хотя и тихи, но все-таки грозны и холодны были волны нашего дѣтскаго и школьнаго моря; но и недалеко было отъ нашего сердца то теплое пристанище къ которому учили насъ притекать, — и мы притекали. Грозны и холодны были волны житейскаго моря и для всего нашего сельскаго духовенства назадъ тому 50—70 лѣтъ; но кто посмѣетъ сказать, чтобы оно не притекало къ тихому пристанищу съ крѣпкою вѣрою, мужественно борясь съ волнами житейскаго моря, возвращая и укрѣпляя такую же вѣру и мужество въ народъ, сѣдавшемъ свой насущный хлѣбъ въ потъ лица и даже крови? О, что бы ни говорили нѣкоторые изъ современныхъ глашатаевъ о нашемъ духовенствѣ, но правдивая исторія не можетъ не признать и признаетъ его воистину неоцѣненные заслуги Русскому народу и царству. Наше духовенство не выдѣлялось изъ народа; оно жило съ нимъ одною родственною жизнію, и потому не могло не имѣть на него вліянія, не дѣлать изъ пасомыхъ имъ овецъ овецъ стада Христова. Да, Русскій народъ если не по разуму или разумнѣю, то по сердцу истинно-христіанскій народъ, на что указываютъ умные, безпристрастные люди и на западѣ Европы, и въ Америкѣ. По сердцу; я сказалъ; а сердце человѣческое

не есть ли первоисточникъ добра и зла? И зтоѣ-то первоисточникъ былѣ доступнѣе для дѣятельности нашихъ народныхъ пастырей и болѣе по силамъ имъ самимъ. Темень былъ нашъ народъ назадъ тому 50—70 лѣтъ, грамотные люди были рѣдкимъ явленіемъ среди него, но и многіе ли въ то время изъ пастырей церкви были приготовлены къ своему высокому служенію соотвѣтственнымъ образованіемъ? *) Однако доброе, вѣрующее сердце ихъ находило добрую, хотя и не обработанную землю, сѣяло на ней сѣмена вѣры и добра; сѣмена всходили и давали „плодъ много.“ Вѣдь не самородкомъ же явилась крѣпкая вѣра, самая искренняя любовь къ Православной Церкви и христіанскія добродѣтели среди нашего народа? Кто можетъ спорить противъ этого? Казалось бы такъ; но сколько еще не такъ давно изливалось въ печати самыхъ грязныхъ потоковъ на наше духовенство, теперь впрочемъ ослабѣвшихъ? Чтѣ это? Порожденіе ехиднино? Исчадіе злорадства, либерализма, космополитизма, коммунизма и тому подобвхъ вѣяній недавняго времени, по всей справедливости названнаго „смутнымъ“? Эти грозные потоки лились, подъ тѣмъ же вѣяніемъ, и на то сословіе, которое шло впереди Русскаго народа и котораго заслуга предъ нимъ и Русскимъ царствомъ также неоцѣнима. Нѣтъ, я думаю, что то былъ просто грѣхъ невѣдѣнія, мальчишества, не знавшихъ ни быта, ни дѣятельности нашего духовенства и не умѣвшихъ взвѣсить и оцѣнить той народной силы, которую наши народные пастыри освящали, растили и укрѣпляли.

Я выросъ въ народной средѣ, всегда былъ близокъ къ ней и къ нашему православному духовенству. А потому долгомъ для себя поставилъ составить и издать книгу: „За истину и правду.“ Она вышла въ трехъ изданіяхъ въ числѣ 12 т. экз. Трудясь надъ этой книгой, я не имѣлъ въ виду корыстныхъ цѣлей **), но былъ сугубо вознагражденъ великимъ множествомъ благодарственныхъ писемъ съ словами: мы будемъ молиться за васъ предъ престоломъ Божиимъ. И не эти ли молитвы поддерживали меня до 76-го года? Помолитесь теперь, служители алтаря Господня, бѣдные, но мощные сѣятели на православной нивѣ Русской земли: да подастъ мнѣ Верховный Податель всѣхъ благъ христіанскую кончину.

Ив. Палимпсестовъ.

12 Октября 1893 г. Севастополь.

*) Извѣстный Москвитъ и такъ глубоко уважаемый ею, не такъ давно почившій протоіерей П. И. Соколовъ сказывалъ мнѣ, что высокопреосвященный Филаретъ, при вступленіи своемъ на Московскую кафедру, вѣшалъ одного сельскаго священника, не умѣвшаго читать, но позволилъ ему служить въ церкви до конца жизни, зная, что онъ былъ добрымъ пастыремъ для своего стада, и что спасеніе не въ многослаголаніи.

**) Первое изданіе было въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія; второе въ пользу обокраденной церкви на моей родинѣ; третье въ пользу Миссіонерскаго Общества.